

РОССИЙСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ ПОСЛЕ ОКТЯБРА 1917 ГОДА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ

Рассматриваются современные теоретико-методологические подходы к изучению историографии российских социалистических партий – социалистов-революционеров и социал-демократов. Особое внимание обращается на понимание термина «историография», характерные черты советской и постсоветской исторической науки, категории дискурса, интеллектуальной истории и исторической памяти.

Ключевые слова:

интеллектуальная история, историческая память, историография, социалистические партии.

Модернизация России в начале XX века была связана с выбором одной из возможных моделей общественного развития: либеральной или социалистической. Однако выбор склонялся в пользу социалистического пути. Либеральная и консервативная альтернативы революции были утопичными. Социалистические идеи в первой четверти XX века в России были гораздо более популярны, о чем свидетельствует количество членов социалистических партий и итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание в 1917 г., наиболее свободного и демократичного голосования. В 1917 г. основные разногласия были не между социализмом и либерализмом, а внутри самого социализма – между его революционным и эволюционным течениями.

Интерес к социалистическим партиям вызван не только их ролью в общественно-политической борьбе как одного из главных противников большевизма, но и в контексте предлагаемых альтернатив в выборе путей развития страны.

Выявление и анализ системы исследовательских представлений, формировавшихся и сложившихся в среде отечественных ученых в ходе изучения истории социалистических партий России после октября 1917 г., требует определения предметного поля историографии. Историк, как подчеркивают современные исследователи, должен демонстрировать не только профессиональную культуру, но и иметь собственную исследовательскую стратегию [8, с. 269], что невозможно без четкого представления о предмете своей науки.

Ряд исследователей характеризуют современную историографическую ситуацию как «историографическую революцию», характерными чертами которой являются, с одной стороны, возрастание интереса к теоретико-методологическим проблемам исторической науки», а с другой – демонс-

тративный «методологический нигилизм» довольно значительной части профессиональных историков.

Сформировалось несколько тенденций относительно понимания предмета историографии. А.В. Клименко, автор соответствующего раздела в учебнике по историографии истории России до 1917 года, отмечает, что «большинство современных историографов в вопросе об определении предмета собственной науки разделяют позицию, в наиболее полном виде сформулированную в трудах А.М.Сахарова» [3, с.16]. Историографией в широком смысле называют специальную историческую дисциплину, которая изучает процесс развития исторической науки и ее закономерности. Это традиционный для отечественной и российской науки подход.

Как отмечает Т.А. Попова, с рубежа 1970-80-х гг. эта модель получила определенную коррекцию с позиций системного подхода (И.Д. Ковальченко); была предложена экспликация понятий «историографические процессы», «историографическая ситуация» (А.Е. Кертман), «проблемная историография», «история историографии» (Р.А. Киреева); историографы обратились к категориальному аппарату и исследовательским методикам науковедения (А.М. Сахаров, Д.П. Урсу, Г.П. Мягков, И.И. Колесник и др.) [13, с. 50]. К рубежу 1980–90-х гг. историографию воспринимали как специальную дисциплину, изучающую закономерности развития исторических знаний и исторической науки в социокультурном контексте (распространилась формула «история знания и исторической науки как социального института»). Как уже отмечалось, данная традиция в «постсоветский» период в целом сохранилась.

Другой подход обозначен в серии работ Л.П. Репиной. В них обосновывается мысль о превращении историографии в

рамках «новой культурно-интеллектуальной истории» в самостоятельную и самоценную историческую дисциплину, которую сегодня, стремясь обозначить её новое качество, именуют клиографией, а в сочетании с изучением методологических и эпистемологических проблем исторической науки – клиологией. Её особым предметным полем становится «история историографии в человеческом измерении». По мысли Л.П. Репиной, «история историографии как часть интеллектуальной истории – это и не дисциплинарная история исторической науки, и не философская история исторической мысли, и тем более не вспомогательная проблемно-тематическая историография, а, прежде всего, история исторической культуры, история исторического познания, сознания и мышления – история исторических представлений и концепций, образов прошлого и “идей истории”, задающих интерпретационные модели и выступающих как мощный фактор личностной и групповой идентичности, общественно-политических размежеваний и идеологической борьбы» [16, с. 44–45].

На наш взгляд, вполне возможно позиционировать историографию как интеллектуальную историю. Ей присуща функция ретрансляции в концентрированном виде сгустков коллективной памяти об историческом прошлом, если подразумевается совокупный опыт осмысления «исторического», воссоздание образов этого прошлого, отраженного в теориях и концепциях, несущих на себе печать индивидуальности их создателей и «знаков» времени.

Советскую историографию политических партий нельзя рассматривать как чистую историю науки, но в то же время, нельзя понимать и как атрибут идеологии. Это был сложный феномен в социальной структуре советского общества, сочетавший элементы научного знания наряду с функциями идеологического воздействия.

В этом плане историография социалистических партий, эсеров и меньшевиков, имела весьма яркую специфику. Все социалистические партии России (в том числе большевистская, правящая с октября 1917 г.) вышли из единого интеллектуального поля российской революционной традиции XIX в., испытали воздействие идей народничества и европейского социализма. Они были связаны базовыми ценностями, личными отношениями, обусловленными наличием общих целей и общего врага. Эти и другие факторы привели к

формированию своеобразной субкультуры российского революционера на рубеже XIX–XX вв. [12, с. 24–43]. Наличие этой субкультуры наложило отпечаток на историографию социалистических партий на всем протяжении ее развития.

Как работы эсеро-меньшевистских авторов, так и советские исследования формировались в результате исторической практики и политической культуры, корни которой далеко не обязательно датируются 1917 г. Безграничная вера в правоту своего учения была характерна и для большевиков, и для их оппонентов. С другой стороны, и до, и особенно после 1917 г. отчетливо ощущаются различия субкультур большевиков и их оппонентов – демократических социалистов. Водоразделом стало отношение к демократии, приведшее к расколу внутри всех российских социалистических партий. Правящая партия видела в социалистической оппозиции опасность куда более реальную, чем возрождение «белой альтернативы», поскольку имела основания бояться синтеза опыта революционных партий и недовольства различных слоев российского общества в 1921–1922 гг. Поэтому советская историография социалистических партий стала формироваться под огромным влиянием политической среды.

В то же время в ходе развития советской историографии под сомнение все более и более ставились основополагающие принципы советского варианта трактовки сущности и эволюции социалистических партий. Это достаточно хорошо заметно со второй половины 1960-х гг. и особенно в 1970-е гг., когда возглавляемый академиком И.И. Минцем Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «История Великого Октября и последующих социалистических революций» обратился к тематике истории «непролетарских» партий России, в том числе партий социалистов-революционеров и меньшевиков, историографии и источниковедению российской многопартийности.

При сохранении стандартной советской риторики, включавшей обязательные «крах», «банкротство», «агонию» мелкобуржуазных партий, как отмечает В.П. Булдаков, развернулся фактический поиск альтернатив «руководящей роли КПСС» [2, с. 24–25]. Несмотря на искреннюю (у большинства советских историков) веру, что они ничуть не подрывают идеологические устои, а, скорее, укрепляют их, происходил обратный процесс. Именно наработки советских историков позволи-

ли уже в 1990-е гг. развернуть обширные исследовательские программы по истории российской многопартийности.

Советская историографическая традиция вызывает разное отношение, безусловно связанное с оценкой событий 1917 г. и Октябрьской революции. Ее толкование как «научно-политического феномена», наиболее ярко обозначенного в известных работах Ю.Н.Афанасьева, имеет под собой серьезные основания [1, с.11].

С другой стороны советскую историографию нельзя сводить только к властно-политическим аспектам, особенно в период 1960-80-х гг. В СССР всегда в той или иной форме действовали принципы «нормальной науки» (термин, введенный Т. Куном) применительно к деятельности научного сообщества, т.е. группы специалистов со сходной научной подготовкой и одинаковым пониманием целей и задач научной деятельности внутри определенной парадигмы со всеми плюсами и минусами. Нормальную науку, по Т.Куну, отличает невосприимчивость ко всему, что не соответствует господствующей научной парадигме, поэтому нормальная наука развивается в основном количественно, прирастая фактическим материалом, повышением его точности и распространением на все более широкие области бытия. Но «аномальные» факторы, не вписывающиеся в парадигму, накапливаясь, в конце концов, подрывают и приводят к ее кризису, а затем и к формированию новой научной парадигмы [9]. В этой связи кажется удачной формулировка польского историка Г. Жалеико о том, что советская историография была нормальной наукой в «аварийных условиях» («abnormal conditions») [20, p.179]. При том, что результаты исследований советских историков были predeterminedены господствовавшей марксистско-ленинской парадигмой, сами исследования проводились все-таки в соответствии с научными принципами. Следует признать внутреннюю интеллектуальную органичность советской историографии даже в том случае, когда создававшийся в ней образ российских социалистических партий имел, с современных позиций, мифический характер.

Существенной научной проблемой является анализ языка как советской, так и эсеро-меньшевистской историографии социалистических партий. Лингвистический поворот поставил в центр изучения дискурсивную практику историков. «Лингвистическим поворотом» называют тенденцию рассматривать исторические

факты и их репрезентации субъектами истории и историками с точки зрения лингвистических «протоколов», которые в них отразились. В историографии (в первую очередь американской) такая тенденция распространилась в 1970-е гг. под влиянием постмодернистской литературной критики [7, с. 33].

На философском, эпистемологическом уровнях было выработано представление о тексте, о его читателе, об определенном типе культурной коммуникации и об общих свойствах литературно-художественных, научных, вербальных и даже невербальных текстов вообще с данной точки зрения [11, с.110]. В этом направлении первостепенное значение принадлежит понятию деконструкции как особому методу анализа текста. Исследование научных или философских текстов привело к выводу, что в любом тексте присутствуют стереотипы, формальные клише, принимаемые как аксиомы, как данность. «Историки и хотели бы говорить буквально и ничего, кроме истины, не рассказывать об объекте своего исследования, – пишет Х. Уайт, – но невозможно повествовать, не прибегая к фигуративной речи и дискурсу, который по своему типу является скорее поэтическим (или риторическим), нежели буквалистским» [18, с. 13].

В этом плане советская историография социалистических партий весьма характерна. Начиная с работ В.И. Ленина, фиксируются речевые шаблоны по отношению к социалистам: социал-предатели, социализменники, соглашатели, ренегаты, обнаглевшая шайка, слуги капитализма, лакеи буржуазии, прихвостни, Иуды и т.п. Эти экспрессивные, эмоционально-насыщенные слова и выражения активно использовались в пропагандистской кампании, на многочисленных митингах, массовках, собраниях, агитационных пунктах. Понимание термина «социалисты-революционеры», «меньшевики» подменялось в рамках советской культуры привычкой использовать речевые шаблоны вплоть до начала 1990-х гг., а у определенной части историков – и по сей день. Яркий пример – книга В.А. Клименко «Москва: крах политики мелкобуржуазных демократов». Автор не в состоянии вырваться из советского клишированного языка: «социал-соглашатели», «социал-предатели», «эсеровские демагоги», «мелкобуржуазные контрреволюционеры» и др. [6, с. 8, 17, 22]

В текстах историков можно выявить некие постоянно воспроизводимые образцы или эталоны, в границах которых мы этот

текст осмысливаем. В итоге структурными элементами текстов являются не исторические личности или события, а некое содержание образцов употребляемых слов, что хорошо заметно на примере термина «мелкобуржуазный».

Термин «мелкобуржуазный», регулярно использовавшийся в советской историографии, также активно внедрялся В.И. Лениным. В ленинской историко-философской системе категория «мелкобуржуазности» занимала важное место. К ней, фактически, он относил все, что не укладывалось в классическое марксистское определение буржуазии. Причем между понятием «мелкая буржуазия» и производным от него прилагательным «мелкобуржуазный» у Ленина имеется существенное различие. Если первое – суть политэкономический термин, то второе имело скорее социально-психологический подтекст [4, с. 57]. Термин «мелкобуржуазность» стал маркированным, эмоционально окрашенным, а его использование, наряду с другими, стало средством управления массовым сознанием.

С другой стороны, эсеро-меньшевистская публицистика, лозунги и резолюции, выдвигаемые на собраниях и митингах представителями ПСР и РСДРП, отличались от большевистских, может быть, меньшей категоричностью и большей благозвучностью. Язык эсеровской, как и социал-демократической публицистики был близок большевистскому, что ограничивало возможности антибольшевистского сопротивления. Словом, предметом изучения могут стать различные «языки» политических дискуссий и их соотношение с языком исторического анализа. Представления о прошлом часто имеют своим происхождением не конкретные исторические факты, а язык, который использовался участниками событий или был предложен историком.

Важной теоретической проблемой современной интеллектуальной истории является обращение к феномену исторической памяти. Историческая память – не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования социальных групп в настоящем. Зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме различных

культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях [14, с. 414]. Проблему исторической памяти (на примере Великой Отечественной войны) образно выразил писатель Д. Гранин в книге «Мой лейтенант», описывая выступление одного из участников обороны Ленинграда на собрании ветеранов: «Рассказ его получился для меня о совершенно незнакомой войне, где наш батальон действовал в той же самой местности, в те же месяцы. Там должен бы быть и я, но меня там не было» [10]. Это подтверждает, что у разных людей и у разных социальных групп существует иной опыт, иная память о прошлом, в основе которой может лежать совсем иное мировоззрение.

Современная российская историографическая традиция в области изучения российской многопартийности представляет собой сложное и многоплановое явление, отражая общие проблемы отечественной науки. Большую позитивную роль сыграло преодоление национальных границ в историографии, доступность публикаций и исследований зарубежных ученых. Началось становление единого историографического пространства. Развиваются самые разные формы поддержки отечественной науки, формируются элементы негосударственной научной институциональной структуры. Возникли разные гуманитарные среды, автономные и пересекающиеся, устроенные по принципу более-менее открытых профессиональных сообществ, в своей основе использующих клубную схему функционирования. Появились журналы, которые стали не просто коммуникационной средой, но и новыми формами научной жизни и новыми местами знания («Новое литературное обозрение», «Ab Imperio» и др.). Одним из важных центров гуманитарного пространства стал Интернет.

С другой стороны, сохраняется определенная преемственность, в том числе методологическая, с советской историографией. Внутренние ценности российской историографической культуры пока еще размыты, неотрефлексированы [19, с. 296–297]. Многие исследователи подчеркивают «институциональную слабость» современной российской исторической науки, отсутствие в полном смысле этого слова исторического сообщества, отсутствие среды, которая критически воспринимает научную продукцию [15; 17]. «Архивная революция», т. е. публикация весьма об-

ширной и добротной источниковой базы, не привела сама по себе к созданию современного, конкурентного исторического сообщества.

История исторического знания, рассматриваемая в статье как интеллектуальная история, состоит, таким образом, из различных уровней, тесно взаимосвязанных. Исследование отечественной историографической традиции в сфере истории социалистических партий требует использования различных методов. Как подчеркивает Л.П. Репина, «в историографии допустимо не только сохранение и использование старых моделей, но и возрождение “хорошо забытых” интерпретаций, а также продолжительное полемическое соперничество старых подходов и концепций с новыми, как и поглощение первых последними» [14, с.76–77]. Поэто-

му наряду с традиционными подходами, сформированными в предметных полях дисциплинарной истории, проблемно-тематической историографии и истории исторической мысли, необходимо разрабатывать историю исторической культуры, образов прошлого, проблем исторической памяти и исторического сознания, исследовательскую психологию и практику в широком интеллектуальном и культурном контексте. Неразрывно связанными аспектами являются и идеологическая политика государства, задачи развития конкретных социальных систем. Ресурсы интеллектуальной истории позволяют дополнить историографическую традицию и сконцентрировать внимание не только на анализе учений и концепций, но и анализировать творческий процесс их создания и осмысления.

Список литературы:

- [1] Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Советская историография. – М., 1996. – С.7–41.
- [2] Будаков В.П. Историографический зигзаг эпохи застоя // Из архива тверских историков. Вып. 5. К 85-летию со дня рождения первого ректора Тверского государственного университета В.В. Комина. – Тверь, 2005. – С. 22–28.
- [3] Историография истории России до 1917 года: учеб. для высш. учеб. заведений: В 2 т. Т.1. / Под ред. М.Ю. Лачаевой. М.: ВЛАДОС, 2003. – 384 с.
- [4] Историческая наука в России в XX веке. – М.: Скрипторий, 1997. – 512 с.
- [5] Кикимбаева А.С. Интервью с Мариной Могильнер и Илей Герасимовым 26 января 2009 года // Мир историка: историографический ежегодник. Вып. 5. – Омск, 2009. – С.411–433.
- [6] Клименко В.А. Москва: крах политики мелкобуржуазных демократов. 1918 – 1920 гг. – М.: Спутник+, 2010. – 75 с.
- [7] Копосов Н.Е. Замкнутая вселенная символов. К истории лингвистической парадигмы // Социологический журнал. – 1997. – №.4. – С. 33–47.
- [8] Корзун В.П. Поиск образа историографии в современном интеллектуальном пространстве // Мир Клио: Сб.ст. в честь Лорины Петровны Репиной. Т.2. – М., 2007. – С.266–278.
- [9] Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2001. – 605 с.
- [10] Литературная газета. – 2012. – №4 (1 – 7 февраля).
- [11] Медушевская О.М. Теоретические проблемы источниковедения // Источниковедение. Теория. История. Метод. – М., 1998. – С.99–121.
- [12] Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922 – 1926): этика и тактика противоборства. – М.: РОССПЭН, 2005. – 736 с.
- [13] Попова Т.Н. Историография сегодня: три штриха с резюме к проблеме институционального кризиса // Історіографічні дослідження в Україні. 2008. – Вип.19. – С.42–72.
- [14] Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
- [15] Репина Л.П. История исторического знания. – М.: Дрофа, 2006. – 288 с.
- [16] Репина Л.П. Проблемное поле и когнитивный потенциал современного историографического исследования // Историки в поиске новых смыслов. – Казань, 2003. – С.37–45.
- [17] Свобода у историков пока есть. Во всяком случае – есть от чего бежать / Беседа Кирилла Кобриня с Павлом Уваровым // Неприкосновенный запас. – 2007, №4. – С. 54–72.
- [18] Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. – 528 с.
- [19] Чеканцева З.А. Идентичность современного историка и ресурсы дисциплинарной рефлексии // Мир историка: историографический сборник. Вып.6. – Омск, 2010. – С. 295–317.
- [20] Zalejko G. Soviet Historiography as a «normal Science» // Historiography between modernism and postmodernism / E.Topolsky ed. – Rodopi, 1994. – P. 179–191.